

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

Е. ЧАРУШИН

НИКИТКА И ЕГО ДРУЗЬЯ

ДЕТГИЗ • 1959

СОДЕРЖАНИЕ

Как Никита мне помогал	3
Никита-охотник	6
Воробей	13
Перепёлка	18

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

Е. ЧАРУШИН

**НИКИТКА
И
ЕГО ДРУЗЬЯ**

Рисунки А. Лаптева

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1950 Ленинград

КАК НИКИТА МНЕ ПОМОГАЛ

Сажу я как-то за своим столом и думаю.

Вдруг подъезжает ко мне на велосипеде Никита. Подъехал, посмотрел на меня и спрашивает:

— Ты думаешь, папа? Да? А про что ты думаешь? Наверно, про что-нибудь интересное?

— Про интересное, — говорю. — Хочу написать книжку про нас с тобой — для ребят. О том, как мы живём-поживаем, как у нас воробей научился летать, как ты охотился, как у нас перепёлка жила. Напишу, а потом всех нарисую: и тебя, Никита, и перепёлку — всех, всех! Только ты мне не мешай — я сейчас писать начну.

А Никита обрадовался и кричит:

— Я тоже хочу писать! Я тебе помогать буду!

— Да ты же ещё маленький, — говорю, — ты не умеешь!

— Умею, — говорит. — Давай бумагу.

Вот влез Никита на стул, взял перо, взял бумагу и стал писать.

— Ну ладно, — говорю. — Запиши-ка сначала название первого нашего рассказа. Пиши так: „Никита-охотник“.

Никита высунул язык и заскрипел пером.

— Ну, ещё про кого писать? — спрашивает.

— Пиши вот что: „Воробей“.

Писал Никита, писал, скрипел пером, скрипел — всё написал. Слез со стула и говорит:

— Вот я тебе и помог. На бумагу — читай!

Сел он на свой велосипед и уехал помогать маме — она к его штанам пуговицу пришивала.

НИКИТА-ОХОТНИК

Есть у Никиты деревянный тигр, деревянная лошадь, резиновый крокодил и слон.

Слон из тряпок сшит, а внутри у него вата.

А ещё есть у Никиты верёвочка.

Вот запрятал Никита своего тигра под кровать, крокодила — за комод, слона — под стол.

— Сидите там, — говорит. — Сейчас я на вас охотиться буду.

Потом взял Никита лошадку, повертел у неё в голове гвоздём дырку и вставил туда гвоздь. Получился настоящий носорог. Стал носорог жить под стулом.

А верёвочка стала змеей. Тоже под стулом живёт, извивается там.

— Начинается охота! — кричит Никита.

Зарядил он своё ружьё, перекинул через плечо сетку, с которой на рынок ходят, и пополз.

Полз, полз и на тигра наполз.

А тигр как зарычит страшным голосом:

— Рррр-ррр-ры!

А потом замыкал, как кошка:

— Мяу-мяу!

Это, конечно, не тигр рычал и мяукал, а сам Никита. А потом он вскинул ружьё, прицелился:

— Бух! Ба-бах! Бух! Ба-бах!

Это будто его ружьё выстрелило.

Убил охотник тигра. Сунул его в сетку и пополз дальше.

Полз, полз и на дикого слона напал. Стоит слон, клыки вперёд выставил и трубит хоботом, как в трубу:

— Тру! Тррррр-ррр-руууу!

Это, конечно, Никита за него трубил.

— Бух! Ба-бах!

Убил Никита слона, закинул его в сетку и дальше пополз.

Полз, полз и до крокодила дополз.

Крокодил зубами лязгает и мычит, как бык.

Это Никита от папы узнал, что крокодилы мычат по-коровьи.

— Бух! Ба-бах! — убит крокодил.

— Бух! Ба-бах! — и носорог убит.

— Бух! Ба-бах! — и змея готова.

Всех перестрелял. Всех в сумку сложил — тяжёлая стала сумка. Волочит

её за собой по полу Никита и кричит на всю комнату:

— Вот я какой охотник! Никого не боюсь! Всех застрелю!

* *
* *

Летом приехали мы на дачу и пошли гулять.

— Ты что же, Никитушка, ружьё с собой не берёшь? — спрашиваю. — Ведь ты же охотник.

— Ох, верно, я и забыл, — говорит Никита.

Побежал он домой, нашёл своё ружьё под кроватью, надел его через плечо и шагает со мной рядом.

Идём мы лугом среди белых ромашек с жёлтенькими пуговками-сердинками.

С цветов бабочки разноцветные слетают. Кузнечики от нас в стороны скачут.

И вдруг видим мы сорочонка. Он совсем такой же, как и большая сорока, — чёрный с белым, только хвост покороче да сам поменьше.

Скачет от нас сорочонок по траве, крыльями машет, а летать ещё не умеет.

Доскакал до рябинного кустика и затаился в нём.

Гляжу: встал Никита-охотник на четвереньки — тоже притаился. Шопотом спрашивает меня:

— Папа! Папа! Можно мне его застрелить?

— Стреляй, стреляй, — говорю. — Уж раз ты охотник, так можно.

И вот пополз Никита по траве к сорочонку. Долго полз с ружьём в руке. Совсем близко подобрался.

Вот прицелился. И вдруг как заорёт во всё горло:

— Бух! Ба-бах!

А сорочонок выскочил из куста, да как закричит на весь лес:

— Криии! Крээээ! Криии!

Никита сразу ружьё наземь бросил — и ко мне.

Бежит, спотыкается, падает.

Гляжу: и сорочонок тоже удирает — только в другую сторону.

Так друг от друга и улепётывают: со-рока — в лес, а Никита — ко мне.

— Ты что же, охотничек? Чего испугался?

— Да как же! — говорит Никита. — Зачем она, глупая, сама кричит?

ВОРОБЕЙ

Пошёл Никита с папой гулять. Идут по дорожке и вдруг слышат — кто-то чирикает:

— Чилик-чилик! Чилик-чилик! Чилик-чилик!

И видят они, что это маленький воробушек прыгает по дороге. Нахохленный такой, прямо как шарик катится. Хвостик у него коротенький, клюв жёлтый, и никуда он не улетает. Должно быть, не умеет.

— Смотри-ка, папа, — закричал Никита, — воробей не настоящий!

А папа говорит:

— Нет, это настоящий воробей, да только маленький. Птенчик это. Он, наверное, вывалился из своего гнезда.

Тут побежал Никита ловить воробья и поймал.

И стал этот воробушек жить у нас дома в клетке, а Никита кормил его мухами, червячками и булкой с молоком.

И вот живёт воробей у Никиты. И день и другой живёт — и всё время кричит: есть просит. Ну и обжора какой! Чуть утром солнце покажется, он зачирикает, всех разбудит.

Тогда Никита сказал:

— Я его научу летать и выпущу.

Достал воробья из клетки, посадил на пол и начал учить.

Стал перед воробушком на корточки, замахал обеими руками часто-часто.

— Ты крыльями вот так маши, — говорит.

А воробей ускакал под комод.

Ну, покормили воробья ещё денёк. Олять посадил его Никита на пол — за урок принялся. Машет, машет руками... И вдруг воробей тоже замахал крыльями и полетел!

Вот он через карандаш перелетел.
Карандаш на полу валялся.

Вот через красный пожарный автомобиль перелетел. А как стал через неживую кошку-игрушку перелетать, наткнулся на неё и упал.

— Плохо ты ещё летаешь, — сказал ему Никита. — Давай-ка я тебя ещё денёк покормлю.

Покормил, покормил, а на завтра воробушек через Никитину скамейку перелетел.

Через стул перелетел.

Через стол с кувшином перелетел.

Вот только через комод не мог перелететь — и свалился.

Видно, надо его ещё немножко покормить.

На другой день Никита взял воробья с собой в сад и в траву посадил.

Воробей через кирпич перелетел

Через пенёк перелетел.

И стал уже через забор перелетать
да об него стукнулся и опять повалился.

А на следующий день он и через за-
бор перелетел.

И через дерево перелетел.

И через дом перелетел.

И совсем от Никиты улетел.

Вот как здорово Никита научил его
летать.

ПЕРЕЦЁЛКА

У нас в клетке жила ручная перепёлка. Такая маленькая дикая курочка. Вся коричневая, в светлых полосках. И на горле у неё нагрудничек из пёрышек, будто ребячий слюнявчик.

Перепёлочка ходит по клетке и тихонько насвистывает — вот так:

— Тюрр-тюрр! Тюрр-тюрр!

А то ляжет на бочок и купается в песке; как настоящая курица, чистит пёрышки, крыльями похлопывает. Мы ей покажем червячка, она подойдёт и клюнет из рук.

Мы её даже на руки брали, как игрушку.

Сидит она на ладошке и не улетает. Совсем ручная.

Но самое удивительное вот что. Как только зажжём мы вечером электричество, перепёлочка сразу начинает насвистывать-кричать:

— Фить-пирю! Фить-пирю!

— Что такое она говорит? — спрашивает Никита.

— Это она тебя спать укладывает. Слышишь, кричит: „Спать пора! Спать пора!“

Прислушался Никита — и вправду похоже:

— Фить-пирю! — Спать пора!

— Фить-пирю! — Спать пора!

А Никите и в самом деле спать пора. Но только уложить его трудно.

— Рано ещё! — говорит Никита.

Перепёлка опять:

— Спать пора!

— Да не хочу я!

— Спать пора!

— Ну, я ещё немножко поиграю!

Тут как раскричится перепёлка, что терпеть больше нельзя:

— Спать пора! Спать пора!

— Да я уж умываюсь!

— Спать пора!

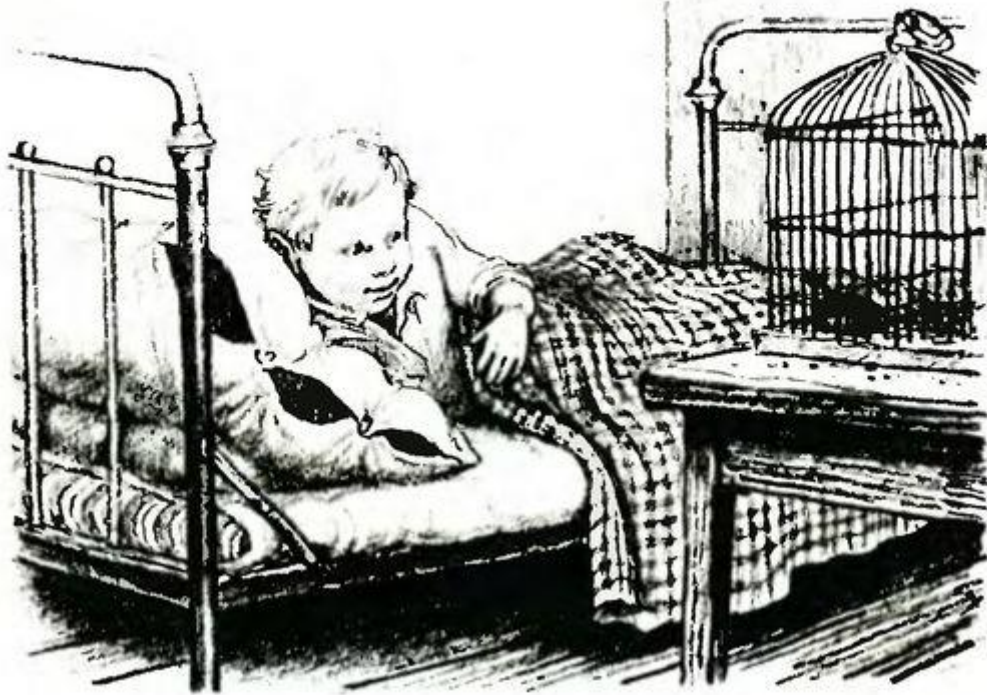
— Да я уже штанишки снимаю!

— Спать пора! Спать пора!

— Да что ты кричишь, глупая? Ведь я уже лёг.

Потушат свет в доме — тут и перепёлка замолчит, и Никита уснёт.

Так у нас и повелось.

Стала перепёлочка укладывать Никиту спать.

Чуть засвистит она своё „фить-пирю“, Никита зевать начинает. Позевывает-позевывает, а потом умоется, разденется и ляжет спать.

Правда, перепёлочка не только по вечерам, но и в другое время кричала

„фить-пирю“, но я сразу же накину на клетку какое-нибудь полотенце или платок — она и замолчит. В темноте перепёлки кричать не любят.

Летом мы переехали жить на дачу.

В саду устроили перепёлочке большую клетку-загородку. Посадили её туда и ушли в поле собирать цветы на новоселье. А в клетке оказалась дыра, — перепёлка-то и убежала. Пришли мы обратно, а её нет.

Вот жалко-то нам было!

Стали мы её искать. Целый день ищем, целый вечер. В траве роемся, кусты раздвигаем.

Нет и нет нашей перепёлочки.

Устали мы, из сил выбились. Никите давно спать пора.

— Как же я спать буду? — плачет он. — Никто меня не укладывает.

И вот взошла луна. Яркая-яркая, всё кругом осветила: и траву, и дорогу, и

кусты. И вдруг мы слышим — у самого маленького кустика:

— Фить-пирю! Фить-пирю!

— Она! — говорит Никита.

А перепёлка ещё громче:

— Фить-пирю! — Спать пора!

Мы — в кусты и сразу поймали нашу перепёлку.

Она была вся холодная, мокрая от росы. Вернулись мы с ней домой, заделали крепко дыру в клетке и посадили перепёлку туда обратно.

А Никита пошёл спать.

Цена 80 коп.

Цена переплета 1 р. 50 к.

БИБЛИОТЕЧКА ДЕТСКОГО САДА

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

С ответственный редактор А. Лазо. Художественный редактор В. Пахомов.
Технический редактор Т. Добровольнова. Корректоры А. Враныч и
Р. Мицелевич

Сдано в набор 26/X 1950 г. Подписано к печати 15/XII 1950 г. Формат 60 × 62¹/₁₆ =
= 0,4375 бум. — 1,469 печ. л. (1,2 уч.-изд. л.). Тираж 500 000 экз. А09867. Заказ № 1344.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.